

ли. Хотя жена с дочкой жили. Мне-то в армии деньги были не нужны.

— На площадке «Гардемаринов» вы сдружились с Дмитрием Харатьяном. Долгое время отлично ладили, а потом вдруг рассорились. Что случилось?

— Ох, это очень давно было. Уже даже и непонятно, что тогда произошло. Видимо, просто слишком долго не расставались. Совсем не расставались — так бывает. А потом поссорились. Из-за пустяка, но очень сильно. Устали, наверное, друг от друга. Восемь лет дружили. Потом еще шесть не разговаривали.

— А теперь помирились?

— Да, помирились, наверное. Потому что если раньше я наталкивался на фотографии Димы, интервью с ним, у меня внутри что-то дергалось. А сейчас с интересом читаю, отрицательных эмоций не возникает. Думаю, все улеглось. Надеюсь, что у него точно так же. Дима позвонил мне за день до своего дня рождения, я очень обрадовался. Трепались часа два. Я пригласил его в гости, но он сказал: «Не так сразу. Давай постепенно. Не бери с места в карьер». Правда, на мероприятия, где я мог оказаться, он так и не приходил. Сейчас я приглашал его в жюри на фестиваль «Сполохи», но он не смог, у него гастроли были. Думаю, постепенно все наладится. Я Димку очень любил всегда. Снял про него когда-то передачу, он позвонил и говорит: «Нашел тут кассету, посмотрел. Как ты ко мне хорошо относился, какую передачу хорошую сделал».

— Как думаете, гардемарины были секс-символами?

— Да, конечно, для определенной возрастной категории.

— Себя считаете привлекательным?

— (Смущается) Ну, в какой-то степени, как каждый артист, который снимается в кино. Не думаю, что я тот случай, когда любящая женщина в стране от 17 до 77 лет хватается за сердце при виде меня и кричит: «Ради него на все готова!». Наверное, у кого-то вызывает интерес.

— Вы говорили, что сейчас вас помнят по «Принцессе на бобах». Там ваш герой полюбил женщину старше себя. А в жизни смогли бы так?

— Такую, как в «Принцессе на бобах»? (Задумчиво) Да может быть. Любовь чувство сильное и непредсказуемое. Все может произойти.

— Вы вообще влюбчивый?

— Не знаю. Часто влюблялся, пока был молодым. Потом как-то очень сильно был влюблен в свою жену, да и с семьей все в порядке. Чтобы влюбляться, какая-то потребность должна быть, а у меня она отсутствует с тех пор, как я женился.

— Где познакомились с женой?

— На съемках фильма «Шанс». Давно, очень давно.

— Ваша дочка снималась в фильме

«Вовочка», она там на коньках каталась. Хотите сделать из нее вторую Ирину Слуцкую?

— (Смеется) Да вы что? Ее там дублировали, причем сразу две девочки — обе чемпионки Москвы, даже в разных возрастных категориях. Одна прыгала, другая крутилась. Машку-то отдавали на два или три занятия профессиональному тренеру, но чтобы делать такого уровня пируэты, надо заниматься лет с четырех.

— Значит, в артистки?

— Не знаю пока. Ее уже начали приглашать в кино, она пробовалась где-то, один сценарий пару недель назад прислали, но

жена забраковала его. Я не читал. Думаю, у Маши есть способности, а там посмотрим. Возраст у нее сейчас сложный.

— Сколько ей?

— Двенадцать. Кажется.

— Не станете отговаривать, как многие родители-актеры: тяжелая профессия, зачем тебе?

— Нет. Моя карьера складывалась хорошо, и нет ощущения, что профессия тяжелая. Могу сказать только одно: ребенок, снимавшийся по ночам вместе со взрослыми, понял, что это не развлечение. Не премьера в Доме кино, а тяжелый труд. А вообще у нас прекрасная профессия. Но

только если повезет. Бывает, что ты очень хороший артист, но не складывается. Мог один раз свое время пропустить, другой раз не раскрыться, тебя не заметили, не потянули, не попал к хорошему режиссеру, в хорошую компанию, на хороший курс; когда учился, не так распределили... И вдруг: вывихнул ногу известный артист. Ты его заменил, тебя увидели в спектакле. Вот и все, слава. Такая непредсказуемость пугает. Хотя, если ты по-настоящему способный человек, все равно пробьешься. Я помню по институту очень многих людей. Проходили годы, прежде чем они все проявились: Сережа Маковецкий, Максим Суханов. Их не было очень долго — пять, семь, десять лет. И все же выстрелили! Дашка Мороз, которую я помню совсем маленьким ребеночком (снималась у нас в «Черном квадрате» лет в восемь), делает сейчас прекрасную карьеру. В профессии очень много нюансов, и когда с малых лет человек в них погружен — это неплохо. Премстственность хорошая вещь. Много узнается того, чему тебя не научат нигде. То, что ты видишь в процессе работы родителей, помогает.

— Что ребенок из актерской семьи должен знать заранее?

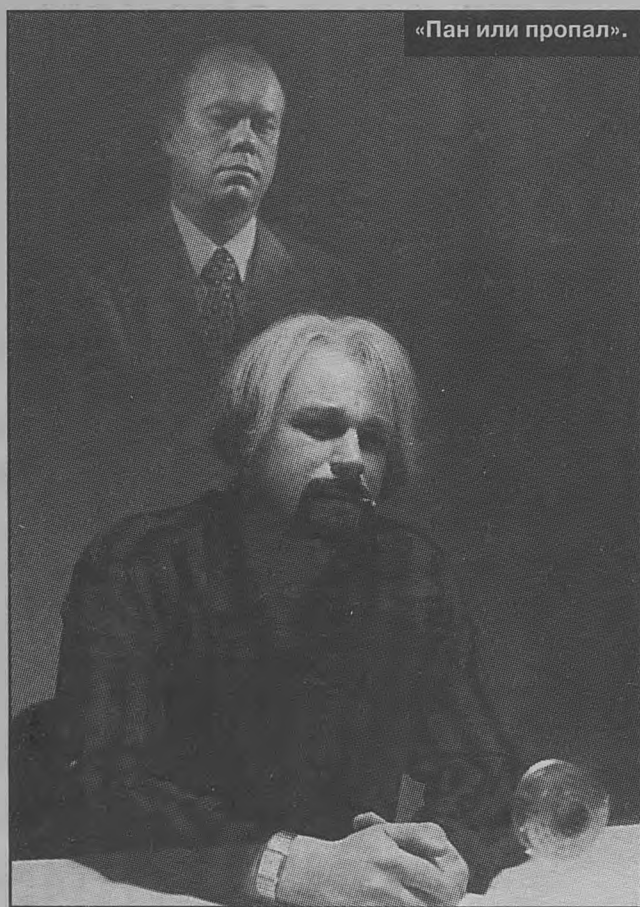
— Что институт — это еще не все. Тут тебя развивают на будущее. Может, ты старика сыграешь или в водевиле споешь. Тебя учат петь, танцевать, фехтовать, говорить по-французски. Играть разных людей. Хотя в реальности ты всегда будешь играть примерно одного, а не пятнадцать персонажей, на которых тебя натащивали четыре года. И тот шок, который ты испытываешь, когда попадаешь в реальное производство, где от тебя нужен только один герой, — он силен.

— Вам с самого начала везло в профессии?

— Складывалось все хорошо. Я же еще и до «Гардемаринов» очень много снимался. Года три-четыре. Правда, роли небольшие, но все же. Так что на пробах примелькался ассистентам режиссеров, и меня уже перекидывали с одной картины на другую. Помню, однажды летом хотел сыграть сразу в трех картинах, денег подзаработать. Главное, и по срокам они так удачно расходились. Но меня вовремя прищучили и с двух фильмов сняли. Тогда можно было сниматься только в одной ленте.

— С тех пор просто были в карьере?

— Пока я просто артистом работал, не было. А потом решил стать продюсером, и как раз начался резкий спад в кинематографе. Вот тогда было уже сложнее. И потом, диапазон ролей со временем сужается. Если до «Гардемаринов» мне предлагали роли молодых зоотехников в колхозе, то после всех, кто в той картине снялся, вообще целый год не снимали. Я пришел из армии в ужасе от того, что надо зарабатывать деньги, а меня никуда не приглашают. У

«Пан или пропал».

«Убить вечер».

«Ниро Вульф».

«Королева Марго».